

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

243

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
243

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
МОСКВА 2016

УДК 902/904

ББК 63.4

К 78

**Краткие сообщения Института археологии
Вып. 243 2016**

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. Макаров

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин,
чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:

д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина,
д. и. н. В. Е. Щелинский

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 243 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 260 с., ил.

ISSN 0130-2620

ISBN 978-5-9908826-3-8

УДК 902/904
ББК 63.4

BRIEF COMMUNICATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
Editor-in-chief Academician N. A. MAKAROV

*На задней стороне обложки –
фото уздечной бляхи из кургана Аржан-5
(к статье И. В. Рукавишниковой и А. А. Гладченкова)*

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19;
Телефон +7 (499) 126-47-98, Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

ISBN 978-5-9908826-3-8

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2016
© Авторы, 2016
© Издательский Дом ЯСК, 2016

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ КАМНЯ К ЖЕЛЕЗУ. ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Сергин В. Я.</i> Некоторые детали устройства жилища Костенок 2.	7
<i>Федорченко А. Ю.</i> Экспериментально-трассологическое исследование скребков поздней ушковской культуры (Центральная Камчатка)	16
<i>Хомякова О. А.</i> Вопросы социальной интерпретации погребений с «самбийскими» поясами римского времени из ареала культуры Доллькайм–Коврово	33
<i>Рукавишников И. В., Гладченков А. А.</i> Исследования Аржана-5 в Турано-Уюкской котловине	50
<i>Гуляев В. И.</i> Мотив медведя в «жертвенной позе» (в фас) в скифо-сибирском зверином стиле	60
<i>Супренков А. А., Столяренко П. Г.</i> Античные сельские поселения на востоке Керчи (по результатам разведочных работ 2014 г.)	66

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>Олейников О. М.</i> Исследования в северо-западной части Неревского конца средневекового Новгорода в 2011 г. (раскоп Конюшенная-1)	77
<i>Панова Т. Д.</i> Раскопки в Тайницком саду Кремля и история археологического изучения территории Подола Боровицкого холма Москвы в XIX–XX вв.	92
<i>Кренке Н. А., Глазунова О. Н., Ершов И. Н., Олейников О. М.</i> Стратиграфический раскоп на Подоле Московского Кремля.	107
<i>Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В.</i> Результаты комплексных исследований Мангупского городища и его округа в 2015 г.	127
<i>Вергазов Р. Р.</i> Персидский парадиз в Пасаргадах. Об особенностях садово-паркового искусства ахеменидского Ирана	148
<i>Осипов Д. О.</i> Новая атрибуция археологической находки из коллекции ГИМ.	158

МЕТОДЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ И ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

<i>Завьялов В. И., Терехова Н. Н.</i> Древнейшие артефакты из метеоритного железа: мифы и реальность	163
<i>Гак Е. И., Клещенко А. А.</i> Металл северокавказской культуры Закубанья (химико-технологическая оценка)	173
<i>Сапрыкина И. А.</i> Состав цветного металла предметов из Ананьинского могильника	194
<i>Казарницкий А. А.</i> Антропологическая экспертиза скелетных материалов из позднеантичного могильника Сувлу-Кая (Юго-Западный Крым)	203
<i>Решетова И. К.</i> Комплекс № 15 на Семилукском городище скифского времени: антропологическое исследование	219

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «УЧЕНЫЕ И ИДЕИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ» (МОСКВА, 2014 г.)

<i>Детлова Е. В.</i> Геро фон Мергарт и российское археологическое научное сообщество 1920-х гг.	229
<i>Кузьминых С. В., Усачук А. Н.</i> «Так много было о чем поговорить»: (Кембриджская коллекция писем Н. Е. Макаренко Э. Х. Миннзу)	242
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	257
ОТ РЕДАКЦИИ.	259

CONTENTS

FROM STONE TO IRON. PROBLEMS AND MATERIALS

<i>Sergin V. Ya.</i> Some details of the dwelling layout at Kostenki 2	7
<i>Fedorchenko A. Yu.</i> Experimental use-wear analysis of end-scrapers from late Ushki culture (Central Kamchatka)	16
<i>Khomiakova O. A.</i> Issues of social interpretation of the burials with Samland belts of the Roman period from the Dollkeim-Kovrovo culture region.	33
<i>Rukavishnikova I. V., Gladchenkov A. A.</i> Explorations of Arzhan-5 in the Turan-Uyuk depression	50
<i>Gulyaev V. I.</i> The motif of the bear in a sacrifice posture (full-faced) in the Scytho-Siberian animal style.	60
<i>Suprenkov A. A., Stolyarenko P. G.</i> Rural settlements of Classical Antiquity in the eastern part of Kerch (based on results of reconnaissance in 2014)	66

MIDDLE AGES AND NEW TIME

<i>Oleynikov O. M.</i> Excavations in the north-western part of the Nerevsky End of Medieval Novgorod in 2011 (Konyushenny-1 excavation trench)	77
<i>Panova T. D.</i> Excavations in Taynitsky Garden of the Moscow Kremlin and the history of archaeological research at Podol of the Borovitsky Hill in Moscow during XIX–XX centuries	92
<i>Krenke N. A., Glazunova O. N., Ershov I. N., Oleynikov O. M.</i> The stratigraphic excavation trench near the Podol of the Moscow Kremlin	107
<i>Gertsen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Korzyuk D. V., Lavrov V. V., Smekalova T. N., Shvedchikova T. Yu., Chudin A. V.</i> Results of interdisciplinary studies of the Mangup hillfort and its vicinity in 2015	127
<i>Vergazov R. R.</i> The Persian paradise at Pasargadae: Distinctive features of the garden and park art in the Achaemenid Persian Empire in Iran	148
<i>Osipov D. O.</i> New attribution of the archaeological find from the State Historic Museum collection	158

METHODS OF NATURAL SCIENCES IN STUDIES OF ARCHAEOLOGICAL ANTIQUITIES AND PALAEOANTHROPOLOGICAL MATERIALS

<i>Zavyalov V. I., Terekhova N. N.</i> The earliest artifacts from meteorite iron: Myths and reality.	163
<i>Gak E. I., Kleshchenko A. A.</i> Metal of the North Caucasus culture of the Trans-Kuban' region (chemical and technological assessment)	173
<i>Saprykina I. A.</i> Chemical composition of items made of non-ferrous metal from the Ananyino cemetery	194
<i>Kazarnitsky A. A.</i> Anthropological expertise of skeletal remains from the Suvlu-Kaya cemetery of Late Antiquity (South-Western Crimea).	203
<i>Reshetova I. K.</i> Complex No. 15 at the Semiluki fortified settlement of the Scythian epoch: Anthropological research	219

TRANSACTIONS OF THE CONFERENCE «RESEARCHERS AND IDEAS:
HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL KNOWLEDGE» (MOSCOW, 2014)

<i>Detlova E. V.</i> Gero von Merhart and the Russian archaeological scientific community in the 1920-s	229
<i>Kuz'minykh S. V., Usachuk A. N.</i> «There was a lot to speak about»: Letters from N. Ye. Makarenko to E. H. Minnz (Cambridge collection)	242
ABBREVIATIONS	257
SUBMISSION GUIDE	259

ОТ КАМНЯ К ЖЕЛЕЗУ. ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

В. Я. Сергин

НЕКОТОРЫЕ ДЕТАЛИ УСТРОЙСТВА ЖИЛИЩА КОСТЕНОК 2

Резюме. Жилище на поселении Костенок 2 было исследовано П. И. Борисковским в 1953 г. и опубликовано в 1963 г. Оно содержит значительные разрушения в результате недавней хозяйственной деятельности. В данной работе на основе архивных материалов устанавливается граница внутреннего пространства жилища, распределение в нем зольной массы и положение вкопанных костей. Погребальная камера являлась отдельной постройкой, не имевшей конструктивной связи с жилищем.

Ключевые слова: палеолит, культурный слой, кости мамонта, жилище, ограждение, погребальная камера.

Жилище Костенок 2 – одно из наиболее сложных сооружений своего типа и в наибольшей степени подвергшееся разрушению в результате современной хозяйственной деятельности. Оно было раскопано в 1953 г. и для своего времени, когда остатки жилищ и, наряду с ними, еще какие-нибудь объекты раскапывались за один сезон, довольно полно опубликовано (*Борисковский, 1963*). Но осталась неясной граница жилого пространства, и оно охарактеризовано очень кратко и без использования планов. В общем виде и также только словесно представлено распределение кремневого и костяного инвентаря. Дополнительного внимания требовал и вопрос о соотношении жилища и погребальной камеры. Для сбора информации по данным вопросам были использованы дневники (*Борисковский, 1953а; 1953б; 1953в*), полевые записи (*Ефименко, 1923*) и некоторые другие материалы. На июнь 2015 г. ни в архиве ИИМК, ни в компьютерной базе данных МАЭ не были найдены описи кремневых изделий и обработанной кости Костенок 2.

Скопление костей мамонта на месте жилища залегает в суглинке, местами слегка погружаясь в подстилающий желтый песок. В плане кости образуют разомкнутую в нескольких местах дугу окружности с тремя радиальными полосками костей. Кое-где обозначены современные хозяйственные ямы (рис. 1). При этом в северной части большие внутренние участки лишены крупных костей.

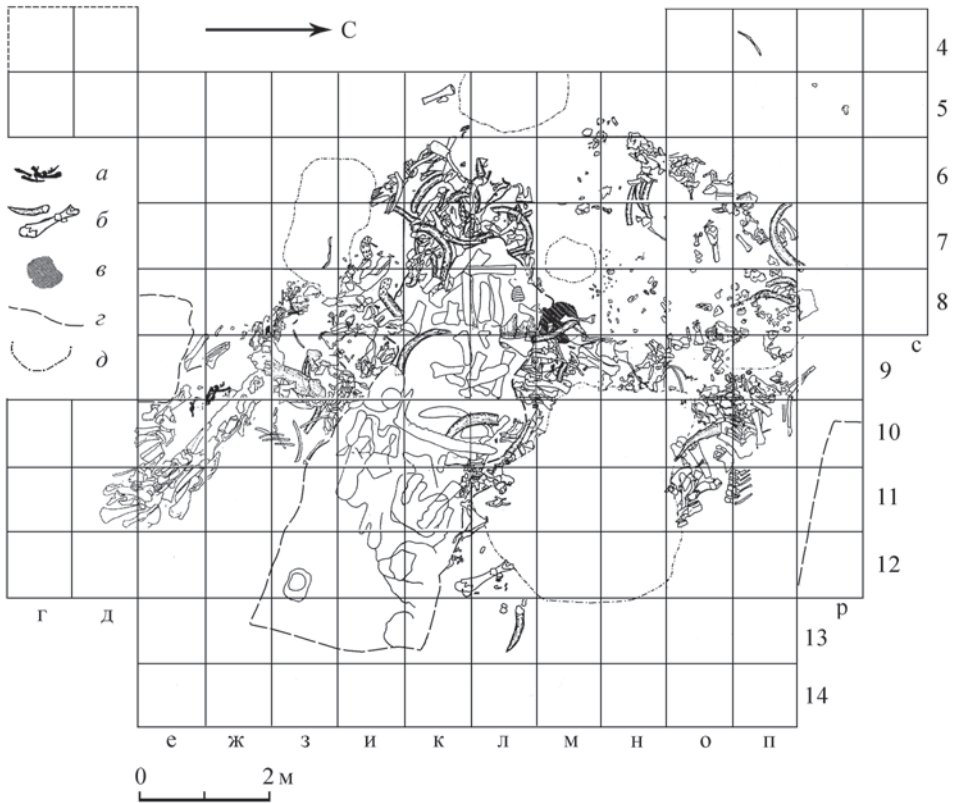

Рис. 1. Костенки 2. Остатки жилища

а – кости человека; *б* – кости мамонта; *в* – очаг; *г* – раскоп 1923 г.; *д* – современные хозяйственные ямы

Создается впечатление, что разрушения ограничивались пределами ям, а квадраты, содержащие единичные кости, были обеднены ими изначально. В действительности, на плане обозначены те ямы, которые полностью прорезали культурный слой. Указанные участки также подверглись разрушению, но до уровня низа костей и начала культурных остатков на полу. Выявить границы менее глубоких ям было бы сложно, поскольку западная часть скопления залегала в переходном горизонте современной почвы. Земляными работами было уничтожено ограждение жилища в западной части кв. Л, М-6 и частично соседних, а также на кв. П-9 и во внутренней части северо-западной четверти скопления. Судя по значительной концентрации костей возле разрушенных участков скопления, последние также могли содержать большое количество костей. Множество костей заполняло и траншею П. П. Ефименко 1923 г. Кости всех видов составляли в ней толщу до 40–60 см. Они отражены на плане беглыми условными контурами (рис. 1).

На полевых планах послевоенных раскопок (Костенки 2... № 99, 1953) скопление костей было зарисовано после полной его расчистки. Но вследствие

нагроможденности и значительной фрагментированности костей, нижележащие их части во многих случаях неразличимы, а кости, залегавшие ниже, не видны. По рисунку на синей миллиметровке трудно определить вид трубчатой или плоской кости. Однако имеются отдельные планы с изображением костей, залегавших в нижней части скопления или на полу (Костенки 2... № 100, 1953). Непосредственно на раскопках была составлена опись костей (Громов, 1953). Она содержит большие лакуны, но позволяет определить основную часть костей. Речь идет только о костях мамонта.

В рамках небольшой работы невозможно проследить размещение различных костей мамонта в пределах всего скопления. В связи с этим ограничимся попыткой выяснить границу ограждения жилища, отделяющую жилое пространство от внешних наземных конструкций. Основным репером при выполнении этой задачи на поселениях среднеднепровского типа служит положение черепов, крупных черепных костей и находящихся в линию с ними костей конечностей, плоских костей, иногда бивней и некоторых других костей, часто имеющих наклонное положение к середине скопления или вкопанных. С тыльной стороны к ним могут примыкать кости, усиливающие ограждение.

Наиболее четко внутренний край ограждения определяется на кв. М, О-6, где бивневыми альвеолами вниз вкопаны три черепа. Череп на кв. М, Н-5, 6 разрушен при земляных работах по альвеолы, но отдельные его фрагменты сохранились. Характер сохранности двух других черепов типичен для не потревоженных человеком остатков. Между этими черепами в наклонном положении находились крупная и небольшая части тазовой кости и бедренная кость. Об остальных черепах и черепных костях и их позиции приходится судить лишь по планам. Почти все они (или все), вероятно, лежали на древней поверхности. Это ослабляет их ориентирующую роль.

На кв. О-6 в северо-восточной части имелась вкопанная берцовая кость, к востоку от нее находилась лопатка, а к западу – неопределенные кости. В северо-восточной части кв. О-7 и в центре кв. П-7 встречены крупные тазовые кости. К первой из них с севера подходили лопатка и, должно быть, половина нижней челюсти. С южной стороны под тазовой костью лежала часть бивня или кость конечности. Севернее второй тазовой кости залегали бивень и берцовая кость, а к востоку, на кв. П-8, за черепными костями, – два бивня. Между бивнями и за ними, на кв. П-8, лежали фрагменты тазовых костей. Севернее этой группы костей на кв. Р-8 залегала половина тазовой кости. Она могла входить в ограждение, а положение небольших бивней указывает на то, что они были приложены к стене. Массивный изогнутый бивень с кв. П-7 не был пригоден для установки на основание и, должно быть, зафиксирован в том положении, в каком был помещен у края ограждения.

На кв. П-9, возле предполагаемой границы, находилась часть тазовой кости, а южнее ее – лопатка. В этом месте отмечена нижняя граница мешаного слоя, и кости могли быть смещены. Далее, на кв. О, П-9–11 сохранился массив костей, основу которого составляли длинные кости конечностей. С запада он начинался бивневой альвеолой с частью черепа. К ней плотно примыкали плечевая кость, неопределенная длинная кость и берцовая. Эти кости были вкопаны в пол и имели наклон к середине жилища под 45° и даже более. Непосредственно с запада

от них находились 7 сочлененных поясничных позвонков, а за ними – еще одна группа позвонков. В кв. О-10 за позвонками следовали: крупная плечевая кость, тонкий бивень, бедренная кость и, по-видимому, еще одна плечевая или бедренная кость, числящаяся в описи как бивень.

С внешней стороны ограждения в средней части кв. П-10 залегала плечевая кость, из-под которой к югу отходили небольшая берцовая кость и фрагмент плоской кости. К юго-западу от них с линией ограждения были связаны еще одна маленькая берцовая кость, крупная плечевая и, по-видимому, тазовая кость. Трубочатые кости были ориентированы к центру жилища. К черепной кости в юго-восточном углу кв. О-10 с кв. О-11 подходили бедренная и берцовая кости. С востока от них имелась тазовая кость, неопределенные кости и часть нижней челюсти. На северной границе кв. О-11 лежала группа сохранивших взаимосвязь позвонков. У половины костей конечностей на описанных квадратах были вскрыты диафизы обращенных вверх концов. Кроме указанных вкопанных костей некоторые другие кости также могли быть вкопанными. Отсутствие фиксации мест вкапывания костей не дает возможности точнее провести здесь границу интерьера.

На кв. К, Л-11 имелись два фрагмента разбитого черепа и три кости конечностей. Две кости – обе локтевые – упомянуты в описи. Они вкопаны, что позволяет наметить по ним и в некоторой мере по частям черепа место прохождения здесь края жилого пространства. На плане раскопа 1923 г. (кв. И-10, 11) имеется обозначение с подписью: «Часть черепа с труб. бив.?» Контур кости неясен. Она несколько отстоит от намечаемой линии и не учтена при ее проведении. Западнее, на кв. И-9, 10 находится череп, южная часть которого не видна на плане под изображением других костей. Череп, по-видимому, обращен затылочной частью к северо-востоку. Правомерность проведения по нему границы ограждения подкрепляется наличием в раскопе 1923 г. группы нижних челюстей, залежавших здесь полосой с юго-запада на северо-восток на протяжении около 2 м (*Ефименко*, 1923. Л. 29). Южнее черепа нет костей, которые могли бы указывать на иной вариант прохождения границы. Рядом с черепом лежали его обломки, а северо-западнее – нижнечелюстные кости и крупная часть черепа. В юго-западной четверти скопления костей границу проследить невозможно ввиду того, что на сохранившемся участке ее признаки скрыты под завалом костей. Завершая рассмотрение краевой части скопления костей, отметим, что точки, по которым проведена приблизительная граница ограждения, достаточно четко координируются. Это позволяет считать, что отклонение ориентировочной границы от реальной невелико.

С разных сторон от жилища культурные остатки представляли собой тонкие пятна золы и мелкого угля с единичными крупными костями. Значительное скопление кремневых изделий, костей животных и углистой массы наблюдалось только к юго-востоку от жилища, на раскопе С. Н. Замятнина. В эту сторону, к низу склона, мог быть обращен вход в жилище. Возможно, с его наличием и обустройством связано распространение некоторых крупных костей далее от центра скопления. П. И. Борисковский полагал, что кости сползли по склону в период захоронения жилища в результате размывов (*Борисковский*, 1963. С. 15, 16).

Заметим, что северо-восточный и юго-восточный края скопления находились в одинаковых условиях склона, но северо-восточный край вписывается в округлый контур скопления. Кости юго-восточного края погребальной камеры также не растащены, хотя они подвергались прямому действию склонового смыва, тогда как кости юго-восточного края скопления находились в его «тени», будучи защищены массой других костей. Воды, проникавшие сквозь нее, на раскопе 1923 г. оставили местами лишь темноокрашенные прослойки вымытого тут же материала с мелкими пережеванными косточками, угольками, вкраплениями охры и редкими кремнями (*Ефименко*, 1923. Л. 29). Они не в состоянии были нарушить взаимоположение крупных костей. В. И. Громов и А. И. Москвитин, присутствовавшие на раскопках, отметили в песке следы мерзлотных явлений, но возможность сползания костей и нижележащего песчаного слоя исключали (*Борисковский*, 1963. С. 22).

Культурные остатки, не относящиеся к конструкциям, залегали в песке. Его поверхность была очень неровной. Вырытые в нем ямки плохо сохранялись, и их наличие лишь предполагалось. Наиболее надежно установлено присутствие ямки на кв. О-7. Сверху в ней лежал обломок костяного острия или наконечника, а под ним группа костей песка и три кремня, включая резец. В небольшом углублении в центре жилища располагался неправильно-округлый очаг диаметром около 65 см. В заполнявшем его черном зольном слое мощностью около 10 см встречены частично и полностью перегоревшие кости, часть белемнита и сферосидерита. Кремневые изделия из очага в подавляющем большинстве не имели следов действия огня, а его днище не было обожжено. Возле очага отдельные участки культурного слоя имели более темную окраску (рис. 2). Насыщенную углистую полоску на кв. И-Л, 10 П. П. Ефименко называл «очажком». На остальной площади золистые пятна и прослойки, окрашенные золой и углем в серый цвет, были толщиной 1–2 см. Охра почти отсутствовала.

В целом культурный слой на полу жилища имел мощность до 10 см. Он содержал кости животных мельче мамонта: лошади, северного оленя, песка, лисицы, пещерного льва, зайца, а также щуки. Кремневых изделий было относительно немного (во всем раскопе 1953 г. и траншее и шурфах 1923 г. собрано около 2 800 экз.). Отсутствие описей лишает возможности сопоставления размещения кремня и обработанной кости внутри и вне жилища. В жилище имелись вкопанные в пол кости. Бедренная кость была вкопана вблизи стены, на кв. О-7, круто наклонная крупная кость конечности и рядом с ней фрагмент кости были вкопаны на кв. О-8, 9. Назначение этих костей неясно. К северу от них лежал перевернутый череп мамонта с сохранившимися зубами. К востоку от него находились обожженные обломки черепа. Подобные не связанные с конструкцией жилища черепа иногда встречаются и на других поселениях. И. Г. Пидопличко называл их «подвижными» черепами и предполагал, что они служили сидениями (*Пидопличко*, 1976. С. 125). Но эти черепа не были обычной принадлежностью жилищ. Люди приспособивались сидеть на полу, а «подвижные» черепа использовались скорее в качестве подставок разного назначения.

Часто фиксируемой особенностью поселений среднеднепровского типа является наличие хозяйственных ям вокруг жилищ. Они обнаружены и в Костенках 11, 1а (*Рогачев, Попов*, 1982). По набору костей в конструкции показатель

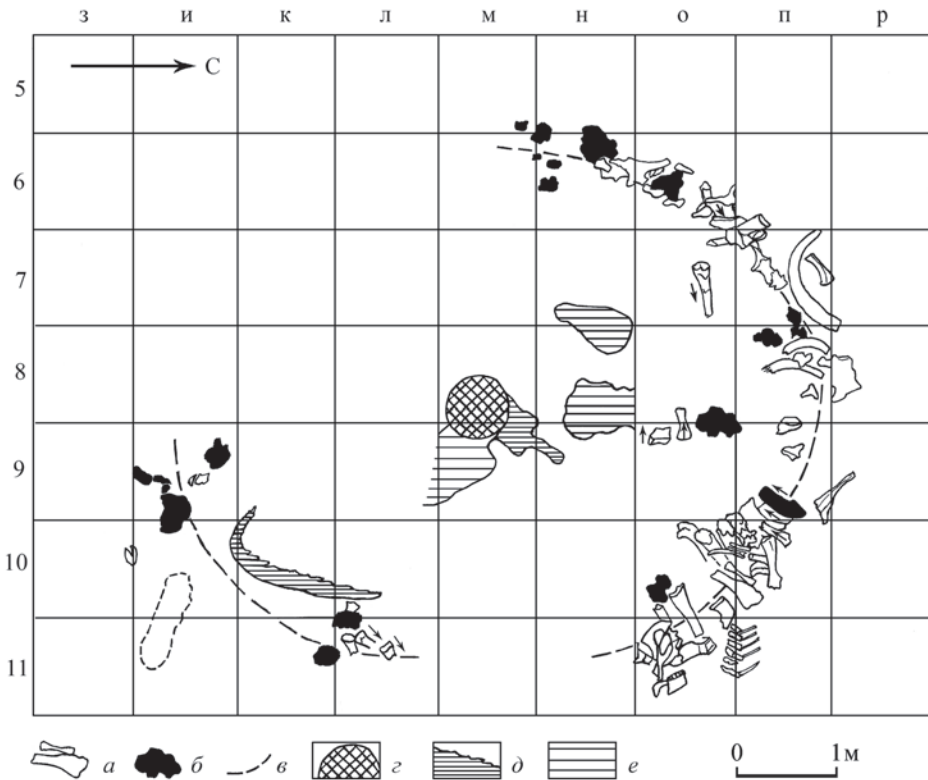

Рис. 2. Костенки 2. Внутреннее пространство жилища

а – кости мамонта (со стрелкой – вкопанные); *б* – черепные кости мамонта; *в* – приблизительная граница жилого пространства; *г* – очаг; *д* – интенсивный золистый слой; *е* – более тонкий золистый слой

сходства жилищ Костенок 2 и Костенок 11, 1а выше среднего по всей группе (Сергин, 2011. Таб. 5). Однако построение жилищно-хозяйственных комплексов на этих поселениях, видимо, значительно различалось. Древних хозяйственных ям в Костенках 2 не встретилось, хотя пространство, раскопанное вокруг жилища, достаточно велико, чтобы они были обнаружены, если имелись.

В южной части раскопа находилась погребальная камера. П. И. Борисковский считал ее пристроенной к жилищу и, возможно, имевшей с ним общую часть стены (Борисковский, 1963. С. 55, 58). Указывая на череп, занимающий перекрестье кв. Ж, 3-8, 9, он писал: «Замыкая погребальную камеру, череп мамонта, вместе с тем, подобно остаткам человеческого черепа, находился на территории жилища, связывая последнее с погребальной камерой (Там же. С. 53). В соответствии с этим получалось, что череп и несколько других костей человека, обнаруженных далее к СЗ, лежали внутри жилища, а остальные посткраниальные кости – в камере. Принадлежность участка с черепом и другими костями человека возле него к жилищу подкреплялась тем, что на кв. З, И-8;

А. Ю. Федорченко

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СКРЕБКОВ ПОЗДНЕЙ УШКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАМЧАТКА)

Резюме. Статья знакомит читателей с результатами функционального изучения скребков VI культурного слоя Ушковских стоянок (Центральная Камчатка) (рис. 1). В процессе экспериментально-трасологического анализа были выделены орудия для обработки свежей шкуры / кожи (31 экз.) (рис. 2), строгания (1 экз.) (рис. 3, 2) и скобления рога / кости (6 экз.) (рис. 3, 1) и дерева (4 экз.) (рис. 3, 3). На большинстве изученных изделий прослежены признаки износа от крепления в костяных или деревянных рукоятях. Получены данные в пользу существования специализации в процессе кожевенного производства. Приведены наблюдения о соотношении морфологии изученных скребков и их функций.

Ключевые слова: Камчатка, Берингия, Ушковские стоянки, верхний палеолит, скребковые орудия, скребки, экспериментально-трасологический анализ.

Введение

Скребковые орудия – категория изделий, широко распространенная на территории Северо-Востока Азии с эпохи позднего палеолита до этнографических времен. Классические скребки изготавливались из отщепов или пластин и имели короткий ретушированный выпуклый или прямой рабочий край (*Васильев и др.*, 2007. С. 192). Назначение подобных орудий чаще всего ассоциируется с обработкой шкур и кож промысловых животных – материалов, используемых человеком со времен раннего палеолита. Многолетние экспериментально-трасологические изыскания позволили скорректировать научные представления об использовании скребков на различных стадиях скоряжного производства, продемонстрировали примеры различного функционального наполнения «классических» скребковых форм (*Семенов*, 1957; 1968; *Семенов, Коробкова*, 1983; *Волков*, 1999. С. 25).

Цель нашего исследования состояла в реконструкции функций скребков VI культурного слоя памятников Ушки-I и IV. Комплекс Ушковских многослойных археологических стоянок располагается компактной группой на южном берегу Большого Ушковского озера, в центральной части полуострова Камчатка.

В 1961–1991 гг. комплексное изучение этого геoarхеологического объекта осуществлялось археологическими экспедициями СВКНИИ ДВО РАН под руководством чл.-корр. РАН Н. Н. Дикова. Культурно-стратиграфическая колонка Ушковских стоянок демонстрирует последовательность заселения одной и той же территории на протяжении последних 13 тыс. лет (Диков, 1977. С. 43–82). Геоморфологическими исследованиями установлена приуроченность VI культурного горизонта к отложениям краевой части флювиогляциальной равнины второй фазы верхнеплейстоценового оледенения (Титов, Казакова, 1985; Кренке и др., 2011. С. 15). Наиболее полно исследован памятник Ушки-I, в VI культурном слое которого вскрыто более 5200 кв. м площади с остатками 40 жилищных конструкций и тремя погребениями (Диков, 1993б. С. 21–32). На стоянке Ушки-IV раскопками 1966–1967 гг. охвачено 78 кв. м и исследовано два палеолитических жилища (Диков, 1977. С. 75–79).

Археологическая коллекция VI культурного слоя Ушковских стоянок насчитывает несколько десятков тысяч артефактов из кремня, обсидиана, халцедона, кремнистого сланца, андезито-базальта, роговика и других пород камня. Исключительно полной серией технологических форм представлен контекст производства и расщепления клиновидных микронуклеусов, включающий: бифасиально обработанные преформы; клиновидные ядрища различной степени сработанности; ладьевидные и лыжевидные технические сколы; ребристые, краевые и трехгранные сколы оформления плоскостей скальвания; правильные микропластины с трапецевидным сечением и их фрагменты.

В орудийном наборе распространены бифасиально обработанные ножи и наконечники листовидных форм, разновидности одинарных ретушных, угловых, двойных и комбинированных резцов (Федорченко, 2016), сколы с краевой ретушью, ножи из глинистого сланца с ретушированными и пришлифованными лезвиями, скребла и рубящие орудия из массивных сколов, целых и расколотых галек, шлифовальные плитки с желобком и иные типы изделий. Отдельной группой изделий представлены каменные украшения в виде шлифованных подвесок, бляшек и бусин-пронизок (Федорченко, 2014б). Анализ материалов VI культурного слоя Ушковских стоянок позволил Н. Н. Дикову выделить позднюю ушковскую верхнепалеолитическую культуру (Диков, 1979а. С. 31–75). На основании серии радиоуглеродных датировок возраст анализируемого комплекса определен в интервале 10 800–10 000 л. н. (Диков, 1993б; Goebel et al., 2003).

Отсутствие обобщающей монографии, над созданием которой Н. Н. Диков работал в последние годы своей жизни, по-прежнему оставляет недостаточно освещенными целый круг вопросов, связанных с древнейшей культурной составляющей Ушковских стоянок. Недостаточно изученными остаются проблемы типологии и классификации каменного инвентаря палеолитических комплексов, не установлено функциональное назначение многих типов каменных изделий, чрезвычайно актуальной является реконструкция целого спектра древних технологий.

Материал

Основными источниками исследования послужили археологические материалы стоянок Ушки-I и IV из раскопок 1961–1991 гг. (фонды СВКНИИ ДВО РАН) и полевые отчеты Н. Н. Дикова и М. А. Кирьяк (архив ИА РАН и СВКНИИ ДВО РАН). Анализ полевой документации и публикаций исследователей Ушковских стоянок показывает, что существенная часть изделий, интерпретированных ранее в качестве скребков, в действительности не является таковыми с точки зрения морфологии. В отчетах и сопроводительных иллюстрациях к ним, скребками нередко назывались пластинчатые снятия и сколы оформления бифасов с приостряющей краевой ретушью, фрагменты двусторонне обработанных орудий и их заготовок [См. например: Диков, 1989. С. 39; Диков, Кирьяк, 1991. С. 35]. В результате работы с археологической коллекцией VI культурного слоя нами идентифицировано пятьдесят одно изделие с морфологическими параметрами скребков. В выявленном собрании сорок семь предметов происходит со стоянки Ушки-I, четыре – с памятника Ушки-IV. Изучение планов раскопок этих стоянок позволяет судить о приуроченности большинства скребков к остаткам многочисленных углистых площадок жилищ. Особой информативностью обладают описанные случаи обнаружения изделий скребкового типа в контексте погребения домашней собаки и коллективного детского захоронения (Диков, 1979б; 1993а. С. 6–8).

Среди заготовок изучаемых орудий преобладают отщепы (44 экз.) с относительно прямым (13 экз.), изогнутым (30 экз.) или выпуклым профилем (1 экз.). Отдельные скребки изготовлены из фрагментов ладьевидных сколов оформления площадок клиновидных микроядрищ (2 экз.), пластинчатых снятий (2 экз.) и их медиальных сегментов (3 экз.). В качестве сырья использовались разнообразные кремнистые породы (84 %), халцедон (12 %) и обсидиан (4 %). Почти 40 % изделий (20 экз.) имеют следы слома корпуса в проксимальной или медиальной части. Длина скребков варьируется от 8,9 до 63,8 мм, ширина – 11,8–30,5 мм, толщина – 2,5–15,4 мм. Скребковое лезвие изученных изделий имеет выпуклую симметричную форму (26 экз.), скошено в левую (18 экз.) или правую (7 экз.) стороны.

Основными критериями для морфологической классификации скребков поздней ушковской культуры послужили характер расположения ретушированного лезвия относительно оси заготовки, особенности приемов вторичной обработки (наличие краевой ретуши на боковых краях, следов утончения, черешка и т. д.), пропорции и общий контур изделия (табл. 1).

В изучаемой коллекции преобладает группа концевых скребков (22 экз. или 43 % от общей численности) (рис. 1, 1, 2, 3, 9, 10, 16). Среди скребков первой группы выделяются изделия коротких (9 экз.), удлинённых (8 экз.) или неопределимых пропорций (5 экз.). Форма концевых скребков: прямоугольная или подпрямоугольная (10 экз.), подтреугольная (4 экз.), овальная (3 экз.) или неопределимая из-за слома (5 экз.). Лезвия орудий первой группы оформлены дорсальной краевой ретушью: крутой (12 экз.), полукрутой (6 экз.) и вертикальной (4 экз.). Десять концевых скребков имеет частичную подработку дорсальной краевой полукрутой (9 экз.) или крутой (1 экз.) ретушью по одному левому (7 экз.) или правому (3 экз.) боковому краю.

Таблица 1. Морфологические варианты скребков поздней ушковской культуры (Камчатка)

Наименование	Количество
Концевые:	
Короткие	9
Удлиненные	8
Неопределимых пропорций	5
Концевые с дорсальной краевой ретушью по двум боковым краям:	
Короткие	4
Удлиненные	11
Неопределимых пропорций	3
Концевые с утонченным корпусом и ретушированным дорсалом	4
Скребки с черешком	3
Скребки скошенные	2
Скребки угловые	1
Скребки округлые	1
Всего	51

Вторую по численности морфологическую группу (18 экз. или 35 %) составляют концевые скребки с дорсальной краевой ретушью по двум боковым краям (рис. 1, 4, 5, 6, 7, 8, 18). Рассматриваемые скребки подразделяются по пропорциям – удлиненные (11 экз.) и короткие (4 экз.). Соотношение параметров еще трех изделий неопределимо из-за их повреждения. Форма скребков второй группы: прямоугольная или подпрямоугольная (13 экз.), овальная (3 экз.) или подтреугольная (2 экз.). Лезвия орудий подготовлены краевой ретушью: дорсальной полукрутой (7 экз.), крутой (7 экз.) или вертикальной (2 экз.), двусторонней (1 экз.) или вентральной крутой (1 экз.). Правый и левый края этих скребков несут следы дорсальной краевой параллельной ретуши: крутой (47 %), полукрутой (33 %), вертикальной (17 %), плоской (3 %).

Иные морфологические варианты скребков поздней ушковской культуры представлены единичными экземплярами. Четыре орудия имеют утонченный плоскими сколами корпус, полностью ретушированный дорсал и оформленное дорсальной крутой краевой ретушью лезвие (рис. 1, 11, 13, 15). Форма этих скребков: подпрямоугольная, овальная или треугольная.

Два скребка из темно-зеленого кремня ($37 \times 17 \times 6,2$ мм) и халцедона ($36 \times 16 \times 6,4$ мм) обладают изогнутой в плане формой, оформленным дорсальной краевой ретушью черешком и смещенным в левую сторону лезвием (рис. 1, 14, 17). Еще один черешковый скребок из массивного скола ($40 \times 23 \times 15,4$ мм) имеет сильно скошенное вправо лезвие и боковые стороны, обработанные дорсальной вертикальной краевой ретушью.

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 243

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

Корректор А. Рекман
Редактор Л. Б. Орловская
Художники А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 28.06.2016. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 21,28. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК. № государственной регистрации 1147746155325
Издательство «Языки славянской культуры». № государственной регистрации 1037739118449.
Phone: +7 (495) 624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4